

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–242

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–242

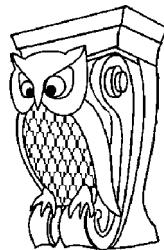
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

Научная статья

УДК [[327.7:341.655](100:519.3)+327(73:519.3)]|2006/2020|

Санкционная политика ООН и США в отношении Северной Кореи: сравнительный анализ (2006–2020 годы)

Д. С. Дроздов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дроздов Денис Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Аннотация. В статье рассматривается последовательная эволюция санкционной политики ООН, а также США в отношении Северной Кореи. Отмечаются ключевые аспекты их подходов. Производится их анализ и сравнение, выявляются сходства и различия в подходах, целях и методах. Рассматриваются результаты этой политики, делается вывод о достижении заявленных целей.

Ключевые слова: КНДР, США, ООН, санкции, американо-северокорейские отношения, ядерная программа, ракетная программа

Для цитирования: Дроздов Д. С. Санкционная политика ООН и США в отношении Северной Кореи: сравнительный анализ (2006–2020 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 237–242. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

UN and U.S. sanctions policies toward North Korea: Comparative analysis (2006–2020)

D. S. Drozdov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Drozdov, droz.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9129-3035>, AuthorID: 1194631

Abstract. The article examines the consistent evolution of the UN and US sanctions policy towards North Korea. Key aspects of their approaches are highlighted. They are analyzed and compared, similarities and differences in approaches, goals and methods are identified. The results of these policies are examined, and a conclusion is made about the achievement of the stated goals.

Keywords: DPRK, US, UN, sanctions, US-North Korea relations, nuclear program, missile program

For citation: Drozdov D. S. UN and U.S. sanctions policies toward North Korea: Comparative analysis (2006–2020). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 237–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-237-242>, EDN: TASOOU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении более чем двух десятков лет ракетная и ядерная программы Северной Кореи являются одной из острых военно-политических проблем, оказывающих большое влияние как на региональную, так и на глобальную безопасность. Активное развитие этих программ Пхеньяном вызвало жесткую реакцию ведущих акторов мирового сообщества. Так, по линии Совета Безопасности ООН, а также ряда западных стран во главе с США в отношении КНДР был введен целый ряд санкционных ограничений.

Северная Корея рассматривается как одно из наиболее закрытых государств в мире, поэтому эффективность воздействия масштабных санкций на эту страну остается слабоизученной проблемой. Соответственно, оценка степени влияния ограничительных мер на экономику и политику КНДР, а также сопоставление подходов ООН и США в отношении санкционного давления представляет значительный научный интерес.

Санкции по линии ООН в отношении Северной Кореи были инициированы в 2006 г. Первым

ограничивающим документом международного уровня можно считать резолюцию СБ ООН 1718 от 14 октября 2006 г., которая была реакцией на первое ядерное испытание КНДР [1]. Это испытание было расценено как серьезная угроза режиму нераспространения ядерного оружия и региональной стабильности в Северо-Восточной Азии. Согласно тексту резолюции, было установлено эмбарго на поставки оружия, введен запрет на экспорт «предметов роскоши» в КНДР, а также вводились определенные ограничения на передвижение высокопоставленных северокорейских чиновников, имеющих отношение к ядерной и ракетной программам страны.

В ходе обсуждения сложившейся ситуации между членами Совета Безопасности ООН возникли разногласия относительно степени жесткости санкций. США и некоторые европейские страны выступали за более решительные меры, включающие всеобъемлющее торговое эмбарго. Однако Китай и Россия, опасаясь дестабилизации ситуации в регионе, настаивали на более умеренном подходе. Южная Корея, несмотря на поддержку резолюции, выразила озабоченность возможным негативным влиянием санкций на межкорейские отношения и продолжение политики «солнечного тепла», т. е. постепенного сближения двух государств. Сеул призвал к сбалансированному подходу, сочетающему санкции с диалогом [2].

Следующая санкционная резолюция СБ ООН 1874 (2009 г.), как и первая, была приурочена к проведению очередного ядерного испытания в КНДР [3]. В этой резолюции осуждению подверглись также ракетные испытания Северной Кореи, которые произошли в том же году. Как и в прошлый раз, в Совете безопасности развернулась дискуссия о необходимости принятия более жестких и решительных мер, на которых настаивал Вашингтон.

При этом Китай и Россия заявили о своих опасениях по поводу того, что подобные действия могут привести к неконтролируемой эскалации ситуации на полуострове, что негативно скажется как на переговорном процессе, так и на региональной стабильности и безопасности. В результате был достигнут компромисс, расширивший санкции, но не включивший полное экономическое эмбарго.

Южная Корея, в отличии от прошлого раза, полностью поддержала резолюцию. Это было связано с приходом к власти консервативного президента Ли Мён Бака, который пересмотрел политику «солнечного тепла», решив, что санкционное давление позволит достичь стабильной и предсказуемой обстановки на корейском полуострове быстрее, чем диалог с Северной Кореей.

Резолюция 1874 значительно расширила санкции против КНДР. Было введено практически полное эмбарго на поставки оружия в Северную Корею и из нее, разрешенным

остался только импорт стрелкового оружия при условии предварительного уведомления ООН. Кроме того, резолюция ужесточила финансовые санкции, призвав государства-члены ООН не предоставлять финансовую помощь КНДР, за исключением гуманитарных целей. Важным нововведением стало разрешение на досмотр грузов, следующих в КНДР и из нее, при наличии обоснованных подозрений в нарушении санкций. Это положение было направлено на пресечение незаконных поставок оружия и материалов, связанных с ядерной программой.

Еще одно ужесточение санкционного режима произошло в 2013 г. Новая резолюция 2087 была принята 22 января в ответ на запуск Северной Кореей спутника «Кванмёнсон-3» [4]. Этот запуск был расценен международным сообществом как скрытое испытание баллистической ракеты дальнего радиуса действия, что противоречило предыдущим решениям СБ ООН, в первую очередь, резолюциям 1718 и 1874, вводящим запрет для Северной Кореи на проведение испытаний баллистических ракет. Кроме того, запуск спутника продемонстрировал прогресс КНДР в ракетных технологиях, что вызвало серьезную обеспокоенность стран Запада, особенно США.

В ходе обсуждения резолюции 2087 также наблюдались разногласия между членами Совета Безопасности ООН. В результате резолюция 2087 расширила существующие санкции, но не ввела принципиально новых ограничений. Так, был расширен список северокорейских организаций и физических лиц, подпадавших под санкции, включая заморозку активов и запрет на зарубежные поездки. Документ также призывал членов ООН проявлять повышенную бдительность в отношении деятельности северокорейских дипломатов, которые могли быть вовлечены в незаконные программы. Важным аспектом резолюции стало предупреждение о возможности принятия «значительных мер» в случае дальнейших нарушений уже существующих резолюций со стороны КНДР. Это положение фактически создавало основу для более жестких санкций в будущем.

Как следствие, такие меры были приняты в том же 2013 г. Резолюция 2094 СБ ООН была принята 7 марта в ответ на третье ядерное испытание. В ходе обсуждения проекта резолюции наблюдался более высокий уровень консенсуса среди членов СБ ООН по сравнению с предыдущими решениями. США настаивали на введении более жестких санкций, и Китай, традиционный союзник КНДР, продемонстрировал готовность поддержать более строгие меры. Тем не менее, Китай и Россия по-прежнему выступали против полной экономической изоляции Северной Кореи.

Резолюция 2094 значительно расширила и ужесточила воздействие на КНДР. Она вве-

ла новые финансовые санкции, направленные на ограничение доступа Северной Кореи к международной финансовой системе. В частности, резолюция запретила предоставление Пхеньяну финансовых услуг, которые могли бы способствовать ядерной или ракетной программам КНДР. Резолюция также расширила список запрещенных для экспорта в Северную Корею предметов роскоши, включив в него дорогие ювелирные изделия, яхты и автомобили. Резолюция также усилила механизмы контроля за соблюдением санкций, призвав членов ООН к более тщательному мониторингу деятельности северокорейских дипломатов и финансовых операций, связанных с КНДР [5].

Следующая резолюция 2270 СБ ООН была принята 2 марта 2016 г. в ответ на четвертое ядерное испытание КНДР, проведенное 6 января, а также запуск баллистической ракеты большой дальности 7 февраля. Резолюция значительно ужесточила ограничительный режим и стала одной из самых всеобъемлющих санкционных резолюций в истории ООН. США, как и всегда, настаивали на введении максимально жестких санкций. Важным фактором стала позиция Китая, который вновь поддержал ужесточение санкций. Тем не менее Пекин и Москва настояли на включении в резолюцию оговорки о том, что санкции не должны негативно влиять на гуманитарную ситуацию в КНДР [6].

При этом резолюция 2270 ввела ряд новых, беспрецедентно жестких ограничений. В первую очередь, указывалось на обязательный досмотр всех грузов, следующих в КНДР и из нее, включая дипломатический багаж. Как предполагалось, сокращение квоты экспорта из Северной Кореи угля, железа, золота, титана, редкоземельных металлов и других минеральных ресурсов должно было существенно сократить валютные поступления в страну. Также был введен запрет на поставки авиационного и ракетного топлива в КНДР. Были расширены финансовые санкции, включая закрытие отделений северокорейских банков за рубежом и запрет на открытие новых отделений банков стран-членов ООН в КНДР. Наконец, предполагались ограничения на деятельность северокорейских дипломатов, связанную с обходом санкций.

Резолюция 2270 также усилила механизмы контроля за соблюдением санкций, в очередной раз призвав членов ООН к более тщательному мониторингу и отчетности о выполнении ограничительных мер.

Очередное усиление санкционного режима в отношении Пхеньяна произошло в 2016 г. Резолюция 2321 Совета Безопасности ООН была принята 30 ноября в ответ на пятое ядерное испытание, проведенное Северной Кореей. Эта резолюция еще больше ужесточила общий санкционный режим. Дискуссии по поводу применяемых мер проходили в обычном

ключе: Вашингтон снова настаивал на применении самых жестких санкционных ограничений, а Китай и Россия просили проявить сдержанность [7].

В качестве принятых мер можно выделить дальнейшее ограничение квоты экспорта угля из КНДР, запрет на экспорт меди, никеля, серебра, цинка, ужесточение финансовых санкций, включая закрытие существующих представительств, филиалов или банковских счетов в течение 90 дней. В очередной раз был расширен список предметов роскоши, запрещенных к экспорту в Северную Корею.

Новый этап ограничений был обозначен резолюцией СБ ООН 2371, принятой 5 августа 2017 г. Данная резолюция была принята в ответ на проведение Северной Кореей двух испытаний межконтинентальных баллистических ракет. Расхождение оценок данного события Соединенными Штатами с одной стороны и Россией с Китаем с другой привело к тому, что американское предложение о полном нефтяном эмбарго не получило поддержки [8].

Тем не менее в качестве нововведений стоит отметить полный запрет на экспорт из КНДР угля, железа, железной руды, свинца, свинцовой руды и морепродуктов. Также были усилены предыдущие меры, связанные с запретом странам-членам ООН увеличивать количество северокорейских рабочих на своей территории и созданием новых совместных предприятий с КНДР.

Очередное, шестое по счету ядерное испытание, проведенное Северной Кореей в том же 2017 г., стало причиной новой санкционной резолюции СБ ООН 2375. Вашингтон в очередной раз поставил вопрос о полном нефтяном эмбарго, а также о необходимости полного запрета экспорта северокорейского текстиля. Китай и Россия не согласились с подобными требованиями, и они не вошли в итоговую резолюцию [9].

Резолюция 2375 не вводила принципиально новых ограничений, ужесточая уже существующие, в частности очередное ограничение импорта нефтепродуктов в КНДР до 2 млн баррелей в год начиная с 1 января 2018 г.

Последним из рассматриваемых санкционных документов СБ ООН в отношении Северной Кореи стала резолюция 2397, принятая в ответ на испытание Пхеньяном межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15». Вашингтон настаивал на введении максимально возможных жестких мер в отношении КНДР, однако Россия и Китай призывали к сдержанности, утверждая, что настоящее решение вопроса денуклеаризации Корейского полуострова возможно только с помощью дипломатии, а не санкций. Ключевые положения резолюции 2397 включали ограничение поставок сырой

нефти в КНДР до 4 млн баррелей в год, ограничение импорта нефтепродуктов до 500 тыс. баррелей в год, а также требование к странам-членам ООН выслать всех северокорейских рабочих в течение 24 месяцев. Помимо этого, вводился запрет на поставки в КНДР продовольствия, сельскохозяйственной продукции, машин, электрооборудования, а также на экспорт определенных позиций горнодобывающей промышленности, включая магнезит и магнезию, древесины и судов из КНДР [10].

Таким образом, эволюция санкционного режима СБ ООН в отношении КНДР в период 2006–2017 гг. демонстрирует постепенное ужесточение и расширение мер воздействия на Северную Корею в ответ на развитие ее ядерной и ракетной программ. Этот процесс характеризуется несколькими ключевыми тенденциями и особенностями. Во-первых, наблюдается последовательное расширение сфер, охватываемых санкциями. Если резолюция 1718 (2006 г.) была в основном сосредоточена на запрете поставок оружия и предметов роскоши, то последующие резолюции постепенно вводили ограничения на более широкий спектр экономической деятельности КНДР. К 2017 г. санкции охватывали практически все ключевые секторы северокорейской экономики, включая экспорт угля, железной руды, текстиля, морепродуктов, а также ограничения на импорт нефти и нефтепродуктов.

Во-вторых, прослеживается тенденция к усилению финансовых санкций. Начиная с ограниченных мер по замораживанию активов отдельных лиц и организаций, связанных с ядерной программой, санкции эволюционировали до широкомасштабных ограничений на финансовые операции КНДР, включая запрет на деятельность северокорейских банков за рубежом и ограничения на денежные переводы.

В-третьих, наблюдается постепенное ужесточение мер, направленных на ограничение доступа КНДР к технологиям и материалам, необходимым для развития ядерной и ракетной программ. Список запрещенных к поставкам товаров и технологий постоянно расширялся и уточнялся.

Четвертой важной тенденцией стало усиление мер по контролю за соблюдением санкций. С каждой новой резолюцией вводились более строгие требования к государствам-членам ООН по мониторингу и предотвращению нарушений санкционного режима, включая обязательный досмотр грузов.

Пятой особенностью эволюции санкций стало постепенное смещение фокуса с чисто запретительных мер на более комплексный подход, направленный на ограничение способности КНДР финансировать свои ядерные и ракетные программы. Это особенно ярко проявилось в резолюциях 2371 и 2375, которые ввели жесткие

ограничения на экспорт северокорейской рабочей силы и импорт нефтепродуктов.

Важно отметить, что эволюция санкционного режима происходила на фоне постоянного технологического прогресса КНДР в области ядерных и ракетных технологий. Каждое новое испытание или достижение Северной Кореи становилось триггером для принятия новых более жестких санкций.

Американские односторонние санкционные меры в отношении Северной Кореи можно также рассматривать в контексте событий, вызвавших резолюции СБ ООН. Первые ограничительные меры со стороны США в отношении КНДР были введены еще в 1950-е гг. в рамках начального периода холодной войны, после чего до конца XX в. американские санкции инициировались регулярно по самым разным поводам.

Первое ядерное испытание в 2006 г. послужило катализатором для начала нового цикла санкций в отношении Пхеньяна. Ключевым элементом санкционной политики США стало принятие «Акта о нераспространении в отношении Северной Кореи» (North Korea Nonproliferation Act) [11]. Этот законодательный документ был подписан президентом Джорджем Бушем-мл. 13 октября 2006 г., т. е. буквально через несколько дней после испытания. По большей части вводимые меры либо дублировали более ранние ограничения, либо ужесточали уже существующие. К примеру, был вновь введен запрет на экспорт в Северную Корею товаров, услуг и технологий, которые могут быть использованы в ядерных, химических, биологических или ракетных программах, ужесточен контроль за финансовыми операциями, связанными с КНДР, с целью предотвращения финансирования программ по созданию оружия массового уничтожения.

В 2009 г. США значительно ужесточили свою санкционную политику в отношении КНДР в ответ на второе ядерное испытание. Основу новых ограничений составило дополнение к исполнительному указу 13382 президента Б. Обамы [12]. При этом министерство финансов США ввело санкции против Банка внешней торговли КНДР и ряда других финансовых учреждений, подозреваемых в содействии ядерной программе Северной Кореи. Также, в очередной раз был ужесточен контроль за экспортом в КНДР товаров двойного назначения, которые могли использоваться в ядерной программе.

Испытания новых баллистических ракет и очередного ядерного заряда стали причиной ужесточения ограничений против КНДР в 2011 г. Указ президента 13570 был дополнен новыми фамилиями физических лиц и новыми кампаниями, в отношении которых вводились американские ограничения. Был также расширен список лиц, подпадающих под вторичные американские санкции [13].

Следующее ужесточение ограничений произошло в 2015 г. Аналитики считают, что это стало своеобразным ответом Вашингтона на кибератаку КНДР на сервера Sony Pictures. В рамках указа 13687 министерство финансов США получило право блокировать активы и запрещать въезд в США лицам, которые являются членами правительства КНДР или правящей Трудовой партии Кореи. Данный указ значительно расширил сферу применения санкций, выходя за рамки традиционного фокуса на ядерной и ракетной программах [14].

В 2016 г. в рамках указа 13722 особое внимание уделялось введению секторальных санкций против ключевых отраслей северокорейской экономики, включая горнодобывающую, транспортную и энергетическую сферы. Согласно американской задумке, такой подход должен был ограничить способность Пхеньяна финансировать программы по разработке ракетного и ядерного вооружений. Отдельно стоит отметить расширение полномочий министерства финансов США по введению вторичных санкций против лиц и организаций, вовлеченных в значительные транзакции с Северной Кореей. Эта мера была направлена на ограничение возможностей Пхеньяна по обходу санкционного режима через третьи страны, в первую очередь через Китай [15].

После шестого ядерного испытания администрация президента Д. Трампа пообещала приложить максимум усилий для того, чтобы заставить КНДР отказаться от развития ракетно-ядерной программы. Исполнительный указ 13810 «О введении дополнительных санкций в отношении Северной Кореи» стал одним из наиболее значимых и всеобъемлющих санкционных инструментов, примененных против Пхеньяна. Он расширил уже введенные ограничения и привнес новые, такие как блокирование счетов и активов любых лиц и организаций, вовлеченных в торговлю с Северной Кореей, а также ввел полный запрет на любые финансовые транзакции с Северной Кореей, что фактически отрезало КНДР от международной финансовой системы и создало риск потери доступа к американской финансовой системе для банков, продолжающих работать с КНДР. Наконец, санкции распространялись и на транспортный сектор, включая возможность блокирования судов и самолетов, связанных с нарушением ограничительного режима [16].

Все эти шаги являлись последовательной реализацией политики «максимального давления», которую проводила администрация Д. Трампа. В основном новые санкционные меры создавали серьезные риски для китайских банков и компаний, что должно было способствовать их отказу от сотрудничества с Северной Кореей.

Рассмотрев основные санкции, которые вводили в отношении КНДР ООН и США, можно провести сравнительный анализ их подходов к ограничительным мерам.

В первую очередь, как ООН, так и Соединенные Штаты рассматривают ракетную и ядерную программу Северной Кореи в качестве серьезной региональной и глобальной угрозы. Соответственно, большая часть санкций нацелена на попытку заставить Пхеньян отказаться от этих планов. Для этого ООН и Вашингтон готовы «выключить» КНДР из международной торговли, минимизировать ее контакты с любыми торговыми партнерами, ограничить валютные поступления путем лишения легальных источников дохода через секторальные санкции. Все это должно сделать невозможным финансирование Пхеньяном ракетной и ядерной программ.

Различия подходов США и ООН обусловлены тем, что в Совете Безопасности необходим консенсус пяти постоянных членов, что, в свою очередь, приводит к принятию более размытых формулировок и предоставлению более широких возможностей для обхода вводимых ограничений. Санкции же по линии Вашингтона, напротив, имеют максимально четкие трактовки, поскольку они не нуждаются в согласовании с кем бы то ни было.

Различаются и типы вызовов, для преодоления которых вводятся ограничения. Так, специфика ООН позволяет реагировать только на то, что «угрожает международному миру и безопасности», как следует из устава организации. Соединенные Штаты же, напротив, не ограничены рамками уставов, поэтому поводом для введения санкций является всё то, что, по их мнению, угрожает или может угрожать безопасности США и их интересам.

Различия также присутствуют в механизмах контроля исполнения санкционных ограничений. Несмотря на то, что при ООН создавались различные комиссии по соблюдению международных санкций, в том числе и специальная комиссия по контролю за санкциями в отношении КНДР, как таковой ответственности за их ненадлежащее соблюдение не предусмотрено. Соединенные Штаты, напротив, обеспечивают выполнение ограничений через регулярное внесение в санкционные списки компаний и физических лиц, которые попали под действие американских законов.

Оценивая эффективность введенных санкционных ограничений, стоит отметить их негативное влияние на экономику Северной Кореи. По оценкам экспертов, в 2017 г. ВВП КНДР сократился на 3,5%, а в 2018 г. – на 4,1%, что стало самым значительным экономическим спадом со времен голода 1990-х гг. [17]. Санкции привели к резкому сокращению объемов легальной внешней торговли КНДР. Экспорт страны

в 2018 г. упал на 86% по сравнению с 2016 г., составив всего 240 млн долл. [18]. Это существенно ограничило возможности Северной Кореи по получению валютной выручки, необходимой для финансирования импорта и поддержания экономической стабильности [19].

Указанные ограничения, в свою очередь, способствовали развитию всевозможных способов обхода введенных санкций, вынуждая Пхеньян использовать такие способы получения иностранной валюты, как увеличение объемов контрабанды, серый импорт, подставные компании, повышение активности в киберпространстве и т. п. [20].

Если попытаться оценить степень воздействия санкций на политику КНДР, то можно прийти к выводу, что они полностью провалились. Северная Корея не только не прекратила разработку ракетного и ядерного вооружения, но и добилась больших успехов в его развитии. Санкционные меры воздействия не способствовали стабилизации ситуации на Корейском полуострове, скорее наоборот, стали триггером для новых эскалационных действий. Также санкции негативно повлияли на переговорные процессы, усложняя и без того непростое взаимодействие с КНДР.

Список литературы

1. S/RES/1718 (2006) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1718-%282006%29> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Chanlett-Avery E., Squassoni S. North Korea's Nuclear Test: Motivations, Implications, and U. S. Options // CRS Report for Congress. The Library of Congress. 2006. 22 p.
3. S/RES/1874 (2009) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1874-%282009%29> (дата обращения: 01.10.2024).
4. S/RES/2087 (2013) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2087-%282013%29> (дата обращения: 01.10.2024).
5. S/RES/2094 (2013) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2094-%282013%29> (дата обращения: 01.10.2024).
6. S/RES/2270 (2016) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2270-%282016%29> (дата обращения: 01.10.2024).
7. S/RES/2321 (2016) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2321-%282016%29> (дата обращения: 01.10.2024).
8. S/RES/2371 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2371-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
9. S/RES/2375 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2375-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
10. S/RES/2397 (2017) // The United Nations Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/2397-%282017%29> (дата обращения: 01.10.2024).
11. S. 3728 – North Korea Nonproliferation Act of 2006 // United States Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/3728/text> (дата обращения: 01.10.2024).
12. United States Designates North Korean Entities and Individuals for Activities Related to North Korea's Weapons of Mass Destruction Program // U. S. Department of the Treasury URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/tg840> (дата обращения: 01.10.2024).
13. Imposition of Nonproliferation Sanctions Against Foreign Entities and Individuals // U. S. Department of State (archive). URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/02/204013.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
14. Executive Order 13687 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7671/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
15. Executive Order 13722 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7686/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
16. Executive Order 13810 // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/7676/download?inline> (дата обращения: 01.10.2024).
17. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019 // Bank of Korea. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttId=10059560&menuNo=400069> (дата обращения: 01.10.2024).
18. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019 // Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-s-trade-value-falls-to-half-previous-low-in-2018> (дата обращения: 01.10.2024).
19. Park J., Walsh J. Stopping North Korea, Inc.: sanctions effectiveness and unintended consequences // MIT Security Studies Program. 2016. P. 6–18.
20. Silberstein B. The complicated truth about sanctions on North Korea // East Asia Forum Quarterly. 2023. Vol. 15, № 2. P. 30–32.

Поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025